

С. В. Степанов*

БОРИС ВИЛЬДЕ: «МЫ ВЕРИМ В РУССКИЙ НАРОД»**

В статье прослежены социально-философские взгляды русского эмигранта, писателя, этнографа, героя французского Сопротивления Бориса Владимировича Вильде (1908–1942). На основе анализа биографии проведена связь между его личным опытом и развитием его взглядов на СССР и русскую эмиграцию, в частности прослежены умонастроения части эмигрантской молодежи. Раскрыто влияние его неудачного побега из Эстонии через Чудское озеро в СССР в 1927 г. на формирование его взглядов на советскую Россию. Литературным воплощением его опыта стала автобиографическая повесть «Возобновленная тоска». На основе контент-анализа статьи Вильде «Россия и эмигрантская молодежь» раскрыты особенности его мировоззрения, а также на его примере прослежено отношение части молодежи французского Монпарнаса к большевистскому опыту устройства нового государства и общества в СССР.

Ключевые слова: Б. В. Вильде, Русское зарубежье, Сменовеховство, Русская эмигрантская молодежь, Французское Сопротивление.

S. V. Stepanov

BORIS WILDE: "WE BELIEVE IN THE RUSSIAN PEOPLE"

This article traces the socio-philosophical views of the Russian emigrant, writer, ethnographer, hero of the French Resistance Boris Vladimirovich Wilde (1908–1942). Based on the analysis of his biography, a connection is drawn between his personal experience and the development of his views on the USSR and the Russian emigration, in particular, the

---

* Степанов Станислав Вячеславович, кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации; stepansv4@gmail.com

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00783 «Социально-философская и политическая просоветская мысль первой волны эмиграции русского зарубежья в периодических изданиях 20–50-х гг. XX века».

mentality of a part of the emigrant youth is traced. The influence of his unsuccessful escape from Estonia across Lake Peipsi in the USSR in 1927 on the formation of his views on Soviet Russia is disclosed, the autobiographical story "Renewed Longing" became the literary embodiment of his experience. On the basis of the content analysis of his article "Russia and the emigrant youth", the peculiarities of his worldview are revealed, and also on his example, the attitude of a part of the youth of French Montparnasse to the Bolshevik experience of organizing a new state and society in the USSR is traced.

Keywords: B. V. Wilde, Russian Diaspora, Smenovekhovstvo, Russian emigrant youth, French Resistance.

Биография Бориса Владимировича Вильде, как и большинство судеб представителей русской эмиграции, отражает события первой половины XX в. Уроженец Санкт-Петербургской губернии (станция Славянка, ныне пос. Петро-Славянка Колпинского района Санкт-Петербурга), детские годы которого прошли в доме родственников Голубевых в селе Ястребино Ямбургского уезда Санкт-Петербургской губернии (ныне д. Ястребино Волосовского района Ленинградской области). В 1919 г. семья Голубевых-Вильде эмигрировала в Эстонию, здесь он учился в Тартуском университете.

В 1932 г. Борис Владимирович оказался в Париже, где после окончания Сорбонны стал сотрудником созданного в 1937 г. на базе музея этнографии Музея Человека и целиком посвятил себя этнографической науке. Совместно с писателем Л. Зуровым в 1937–1938 гг. им были предприняты археолого-этнографические экспедиции, охватывавшие территории современных Псковской области и Эстонии для изучения культуры народа сето и всего Печорского края.

В годы Второй мировой войны он участник французского Сопротивления, основатель и редактор газеты «Résistance» («Сопротивление»), посмертно награжден Орденом Почетного Легиона.

Биография Б. В. Вильде в настоящее время хорошо изучена как советскими и российскими, так и французскими и эстонскими исследователями, среди ученых, внесших в ее изучение наибольший вклад, необходимо отметить Р. Я. Райт-Ковалеву, С. Г. Исакова, О. М. Фишман, Т. Бенфугаль, Б. С. Кагановича и основателя музея Б. Вильде в России Г. А. Озол [4–6; 8; 9; 11].

Среди научных этнографических работ Б. В. Вильде существует несколько литературных и публицистических произведений, опубликованных в сборнике «Творческое наследие Бориса Вильде», который подготовил В. Н. Новиков [10].

В биографии Б. Вильде есть эпизод бегства из независимой Эстонии в СССР, который до сих пор привлекает внимание исследователей. В начале октября 1927 г. Борис Вильде, в то время студент Тартуского университета, предпринял неудачную попытку пересечь на лодке по Чудскому озеру через остров Пийрисаар эстонско-советскую границу, был задержан советскими пограничниками и несколько месяцев содержался в тюрьме города Гдова для выяснения всех обстоятельств, а затем был возвращен в Тарту, заплатил крупный денежный штраф и был отчислен из университета.

Среди русскоязычной молодежи Эстонии 1920-х гг. было много людей, увлекавшихся через советскую пропаганду идеей строительства нового государства в СССР. Многие молодые люди наивно считали, что жизнь в Советской России лучше, чем в «буржуазной» Эстонии, т. к. в СССР идет грандиозный

процесс строительства нового общества, которое обеспечит равенство и братство всех людей.

На многочисленных допросах Борис Вильде в Гдовской тюрьме заявлял, что стремился бежать в СССР «в силу национального тяготения», а на вопрос следователя о политических убеждениях заявил, что «сочувствует советской власти». На одном из допросов Вильде сказал, что ему «приходилось читать советскую литературу, книги и газеты, из журналов я читал “30 дней”, “Красную Новь”, “Зарю”, из газет — “Правду”» [5, с. 175].

Несколько месяцев в тюрьме, постоянные допросы как до, так и после возвращения в Эстонию привели его к переосмыслению своих взглядов на дальнейшую судьбу и заставили критически оценить воплощение в жизнь коммунистических идеалов. Как справедливо отмечает В. Н. Новиков, позднейшие, 1930 г., публикации Вильде в берлинской газете «Руль» свидетельствуют о том, что он стоял на позициях большей части эмигрантской молодежи — позиции национально-патриотической, объективно противостоящей коммунистической идеологии [10, с. 12]. Его общественно-политические взгляды можно соотнести с идеями сменовеховства — с трудами Н. Устрялова, А. Бобрищева-Пушкина, призывавших к сотрудничеству СССР в пользу интересов русского народа и примирения русской эмиграции.

По впечатлениям неудачного бегства в СССР Вильде написал автобиографическую повесть «Возобновленная тоска», которую опубликовал на страницах берлинской газеты «Руль» в июне–июле 1931 г. Сюжет повести связан с обстоятельствами его жизни, но цели перехода границы и ход событий существенно изменены. В повести есть интересное высказывание, определяющее его мировоззрение в целом: «Жизнь человеческая складывается не по собственной воле. Каждый идет — часто против желания — тем путем, по которому толкает его судьба» [10, с. 161].

С момента своего появления в Париже Борис Вильде быстро открыл для себя русский эмигрантский Монпарнас. Согласно воспоминаниям современников, он часто проводил время в ресторане «Доминик», а также в известных русских литературных кафе «Ротонда» и «Селект». Борис Вильде вступил сразу в несколько литературных объединений, в т. ч. «Союз молодых русских поэтов и писателей», «Перекресток» и «Кочевье», в состав которых входили преимущественно представители молодого поколения писателей русской эмиграции.

Известный прозаик и публицист русского зарубежья В. С. Варшавский вспоминал о парижском периоде и характеризовал его взгляды и отношение к философии:

Но многие друзья Вильде чувствовали, что под этой поверхностью «умного человека», делавшего ученую и житейскую карьеру, в нем было что-то более глубокое и оригинальное, какое-то непосредственное интуитивное знание: как если бы ему что-то приоткрылось в загадке жизни и смерти. Он редко об этом говорил, никогда не вмешивался в монпарнасские беспардонные метафизические споры и не занимался формальной философией. Только по некоторым его замечаниям можно было догадаться об его «идее». Однажды он сказал мне: «Я всегда живу так, как если бы завтра я должен был умереть» [с. 275–276].

Своеобразной квинтэссенцией отношения Вильде как к русской эмиграции, так и к жизни и идеологии в СССР стала его статья «Россия и эмигрантская молодежь», опубликованная в журнале «Новая Россия», который издавал А. Ф. Керенский в Париже [1, с. 77]. Эту статью, как и большинство своих литературных и публицистических произведений, Борис Вильде опубликовал под псевдонимом «Борис Дикой», который произошел от немецкого написания его фамилии (Wilde — дикий). В начале статьи он излагает читателю общую характеристику своего поколения:

Мы — т<о> е<сть> то эмигрантское поколение, которому сейчас приблизительно лет тридцать — выросли и сложились в особых условиях. Мы покинули родину подростками, но Россия, великое и страшное лицо русской революции, навсегда запечатлелась в нашем сознании. Это — то, что отличает нас от следующего поколения, от наших младших братьев, для которых Россия и революция не пережитая реальность, а продукт творческого воображения, заимствованный либо из советских книг и фильмов, либо из романов Краснова [3, с. 15] .

Вильде особо выделяет поколение, пережившее события Великой российской революции 1917 г., имевшее возможность самостоятельно оценить ее ход и влияние, указывает на его отличие от поколений, родившихся в 1910–1920-е гг. и воспитанных либо на советском опыте осмысления событий 1917 г., либо на работах представителей белого движения — эмигрантов. Вильде, как и часть молодежи, ставил превыше всего личный опыт, т. к. позднейшие идеологические наслоения чаще всего искажали реальную действительность.

Далее Вильде как сторонник юношеского максимализма — прогресса во всем, выразил свое отношение к старшему поколению эмиграции, которое покинуло России в 30–50-летнем возрасте и было проникнуто ненавистью к большевистской России:

Не зная дореволюционной России, мы легко и безболезненно освободились от того дореволюционного сознания, от которого до сих пор еще — за немногими исключениями — не могут освободиться наши отцы. Мы свободнее их в наших суждениях и о России, и об Европе. Нам чужда их «непримиримость во что бы то ни стало» по отношению к большевикам, в основе которой часто лежит чувство мести, личной обиды или горького разочарования [3, с. 15].

В последних словах Борис Владимирович, по сути, излагает мысли смелых новаторов, что большевистский режим в России не есть воплощение зла на Земле и за Гражданскую войну нет необходимости мстить до последней капли большевистской крови.

Вильде без свойственной части дореволюционной интеллигенции низкого поклонства перед западной культурой и ее ценностями описывает свое отношение к приютившей русских репатриантов Европе:

Мы приехали за границу без иллюзий относительно западноевропейской культуры и очень скоро — на собственном опыте — убедились в том, какая жестокая социальная несправедливость царит во всем капиталистическом мире. И даже наиболее, казалось бы, совершенные формы демократии, обеспечивающие

политическую свободу, не способны ни в какой мере освободить человека от экономического гнета, от власти денег, от борьбы классов [3, с. 15–16].

Русская эмигрантская молодежь, как и Вильде, искала социальных гарантий, мечтала о государственной социальной поддержке: «Идея социальной правды, стремление к экономическому раскрепощению человечества, сближает нас как будто с большевистской идеологией» [3, с. 16]. Борис Вильде, который смотрел на опыт развития социализма весьма критически, столкнувшись с материальными проблемами западных стран и увидев господство материализма в отношениях, также не приемлет капитализм:

Но, обращаясь к Востоку, мы испытываем глубочайшее разочарование, убеждаясь в том, какие жестокие и уродливые формы принимает воплощение этой идеи в СССР, с каким чудовищным насилием над человеческой личностью и свободой связана там социалистическая перестройка. И Запад, и Восток — оба для нас одинаково неприемлемы в их страшной действительности, но когда мы думаем о будущем, невольно мы смотрим на Восток [3, с. 16].

В дальнейшем Вильде раскрывает свое отношение к СССР как своей родине, куда его тянет не чувство патриотизма или ностальгии, а желание быть вместе с народом, его традициями и мироощущением; в изложении этих взглядов Б. В. Вильде проявляет свои этнографические наклонности:

Мы любим Россию. Но эта любовь не имеет ничего общего с патриотизмом, основанном на традиции и на биологическом чувстве национальности. Мы любим Россию, потому что мы верим в русский народ и в его историческую миссию. Он еще молод, ему открыты еще все возможности и, если возможно еще обновление и спасение задыхающегося мира, то оно придет из России. Вот почему, не принимая советской действительности, мы продолжаем внимательно, с тревогой и надеждой присматриваться ко всему, что там происходит. Страшны и отвратительны родильные корчи России, но это — родильные муки, а не предсмертная агония [3, с. 16].

Он верит в развитие страны, для него коммунизм — это этап эволюции русского народа, где должна найтись новая идеология, созидаящая основы русской жизни. В политическом устройстве будущей страны Борис Владимирович не видит ни монархической, ни республиканской форм правления:

Величайшей исторической бессмыслицей, кощунственнейшей насмешкой над кровью миллионов жертв, был бы не только возврат России к дореволюционной монархии, но и переход к европейскому парламентарному демократическому строю [3, с. 16].

Вильде с позиций, близких к учению К. Маркса, размышляет о демократии не как о идеальной теоретической модели развития государства и общества, а как о реальности т. н. демократического устройства общества:

Мы не против демократии, но мы слишком хорошо знаем, как мало действительной свободы кроется за гордой вывеской «свобода, равенство и братства», и как легко уживается политическая свобода с самым худшим экономическим рабством. Истинная демократия и свобода могут быть осуществлены только

в бесклассовом обществе, построенном на началах социальной справедливости. Борьба классов, хотя бы и при парламентском строе, ведущая к удушению одного класса другим — такое же зло, как и борьба государства с личностью, приводящая к удушению последней [3, с. 16].

В дальнейшем автор задает несколько риторических вопросов, которые волновали часть эмигрантской молодежи:

На что же мы надеемся? На мирную эволюцию большевиков? На то, что Сталин добровольно откажется от власти? Было бы слишком наивно верить в это. Но нельзя не видеть, что в последнее время советская власть вынуждена была сделать ряд уступок населению [3, с. 16].

Размышляя об историческом опыте России, сопоставляя большевистскую модель развития с капиталистической — западной, Б. Вильде приходит к пророческим словам о новых поколениях советских людей, которые уже не смогут в будущем воспринимать как религию коммунистические идеалы:

Большевики расправились с остатками прежних привилегированных классов, с прежней внутривластной оппозицией, но вырастает новая оппозиция, более могущественная и многочисленная — оппозиция новых советских поколений. Внимательно читая новые советские книги, прислушиваясь к тому, что рассказывают только что приехавшие оттуда новые эмигранты, мы убеждаемся, что среди наших советских сверстников у нас немало единомышленников. Будучи социалистами, стремясь прежде всего к осуществлению справедливого распределения богатств и труда, они в то же время протестуют против невыносимого гнета государства, стремятся к раскрепощению личности, к осуществлению индивидуальной свободы человека в рамках коллектива. И ведь не так далеко то время, когда эти новые советские люди в естественной смене поколений займут командные высоты [3, с. 16].

В этих словах он предвещает кризис советского общества 1980-х гг., получившего максимальные социальные блага от советской власти и достижений социализма, но закрепощенного в жестких рамках коммунистической идеологии, где идеи коммунизма превратились в недостижимую задачу, стали мифом о будущей жизни.

В заключение Борис Владимирович с тоской пишет о родине, он не теряет надежды вернуться в Петербург, пусть даже ставший Ленинградом, в родное Ястребино, в Петербургскую губернию, ставшую Ленинградской областью:

Но, быть может, нам будет дано вернуться на родину и работать для ее осуществления. Эта работа будет долгой и трудной, рассчитывать на передовые посты нам не приходится. К нам будут относиться с подозрением, нас будут несправедливо укорять в том, что в самые тяжелые годы мы прятались за границей. Мы будем чувствовать себя иностранцами среди своего народа. Но разве мы не научились приносить себя в жертву? И другого выбора у нас нет [3, с. 16].

В годы Второй мировой войны Вильде стал организатором одной из первых ячеек французского Сопротивления — группы музея Человека, создателем и редактором газеты «Résistance» («Сопротивление»). Весной 1941 г.

значительная часть этой группы была арестована Гестапо, а 23 февраля 1942 г. примерно в 17 часов семерых приговоренных к смерти подпольщиков, в т. ч. и Б. В. Вильде, под усиленной охраной перевезли на грузовиках из тюрьмы Фрэн в расположенный в 12 километрах от Парижа форт Мон Валерьен. В небольшой часовой форта обреченным было позволено проститься друг с другом. Приговор привела в исполнение расстрельная команда из двенадцати солдат вермахта. Так как для всех семерых не нашлось места у стены, Борис Вильде, Анатолий Левицкий и Пьер Вальтер выразили желание умереть последними, отказавшись от повязок на глаза. Своим бесстрашным поведением перед лицом смерти и самоотверженной готовностью принять всю ответственность на себя и спасти тем самым своих товарищей они заслужили уважение даже у своих палачей [8, с. 117–118].

3 ноября 1943 г. находившийся в Алжире генерал Шарль де Голль посмертно наградил Бориса Вильде медалью Сопrotивления согласно следующему приказу:

Вильде, оставлен при университете, выдающийся пионер науки, целиком посвятил себя делу подпольного Сопrotивления с 1940 г. Будучи арестован чинами гестапо и приговорен к смертной казни, явил своим поведением во время суда и под пулями палачей высший пример храбрости и самоотречения» (цит. по: [10, с. 94]).

Научное и литературное наследие Бориса Вильде остается востребованным и в наше время. Память об этом человеке сохраняется и находит отражение в просветительской и исследовательской деятельности в России: в доме-музее Бориса Вильде в д. Ястребино Волосовского района Ленинградской области, Российском этнографическом музее в Санкт-Петербурге и во Франции в музее Человека в Париже [7, с. 97–98].

Жизнь русского эмигранта Бориса Владимировича Вильде — не только пример воплощения идеалов внутренней свободы человека, избавившегося от предрассудков, но и пример самопожертвования не только русской цивилизации, но миру и благополучию человечества. Социально-философские взгляды Вильде, созвучные идеям сменовеховства, требуют дальнейшего изучения и осмысления в контексте молодежного движения русской эмиграции, а его идея о «новых людях» в советской России оказалась пророческой для событий в СССР и России 1980–1990-х гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базанов П. Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.) / М-во культуры Рос. Федерации, С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств. 2-е изд., испр. и доп. — СПб.: С.-Петербургский государственный ун-т культуры и искусств, 2008. — 467 с.
2. Варшавский В. С. Незамеченное поколение / сост., коммент. О. А. Коростелева, М. А. Васильевой, предисл. О. А. Коростелева. — М.: Дом русского зарубежья, Русский путь, 2010. — 542 с.

3. Дикой Б. [Вильде Б. В.] Россия и эмигрантская молодежь // Новая Россия: Двухнед. журн. (Париж). — 1936. — № 4, 19 апр. — С. 15–16.
4. Исаков С. Г. Борис Владимирович Вильде // Русская эмиграция и русские писатели Эстонии 1918–1940 гг.: антология / сост., вступит. ст., биогр. справки и коммент. С. Г. Исакова. — Таллин, 2002. — С. 215–216.
5. Исаков С. Г. Новое о Борисе Вильде // Культура русской эмиграции в Эстонии (1918–1940): Статьи. Очерки. Архивные публикации. — Таллин: Aleksandra, 2011. — С. 165–183.
6. Каганович Б. С. «Степной волк». К биографии Бориса Вильде // Вопросы литературы. — 2018. — № 4. — С. 363–385.
7. Новиков В. Н. История создания дома-музея Бориса Вильде в деревне Ястребино Волосовского района Ленинградской области // VIII Межрегиональные Губернские чтения: «Из истории краеведческого движения Ленинградской области», 24 октября 2019 г.: сборник статей / Правительство Ленингр. обл., Ком. по культуре Ленингр. обл., Ленингр. обл. универс. науч. б-ка; М. В. Афанасьева, В. А. Топунова, С. В. Степанов (сост.); отв. за вып. Л. К. Блюдова. — СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2020. — С. 97–112.
8. Озол Г. А. Борис Вильде: страницы биографии // Истоки: историко-краеведческий альманах. — СПб., 2017. — Вып. 1: Из истории Ястребинской земли. Ястребино. — С. 106–119.
9. Райт-Ковалева Р. Я. Человек из Музея Человека: Повесть о Б. Вильде / худож. А. Голицын. — М.: Сов. писатель, 1982. — 336 с.
10. Творческое наследие Бориса Вильде / вступ. ст., сост. В. Н. Новикова. — СПб.; Ястребино: Культурно-просветительское товарищество, 2020. — 284 с.
11. Missions du Musée de l'Homme en Estonie Boris Vildé et Léonide Zouroff au Setomaa (1937–1938) / sous la direction de T. Benfoughal, O. Fishman, H. Valk // Publications Scientifiques du Muséum national d'Histoire naturelle. — Paris, 2017. — Vol. 24. — 860 p.